

ПРИЗВАННЫЕ К ТВОРЧЕСТВУ

Элизабета Левин

БЕЛЫЙ — БЛОК: НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ И ТРЁХ СТИХИЙ

Аннотация. Андрей Белый и Александр Блок родились в том же 1880 году. История их многолетней дружбы интересовала многих литературоведов и продолжает привлекать внимание многих поклонников их литературного таланта. Не меньший интерес вызывала история любовного треугольника Блок-Менделеева-Белый, впоследствии описанная Блоком в его «Балаганчике». При этом вряд ли сами герои этой драмы стремились к тому, чтобы их любовь вспоминалась, как клубок запутанных отношений между марионеточными Коломбиной, Пьеро и Арлекином. В данной статье отдельные события в жизни героев, равно как и их взаимоотношения, рассматриваются не как самоцель, а как средство изучения темпорологии (науки о времени) и её связи с пренатальной психологией. Главная цель последующего текста, прежде всего, осознать закономерности мировых часов и вскрыть глубинные причины раздоров между людьми. Благодаря свежему взгляду на опыт прошлого, вселяется надежда на то, что мы научимся осознанно избегать многих конфликтов. **Ключевые слова:** Александр Блок, Андрей Белый, Любовь Менделеева, культурология, темпорология, эффект сестелиальных близнецов, часы Феникса, теория эмоций, стихии, психология взаимоотношений.

Elizabetha Levin

BELY — BLOK: BETWEEN TWO EPOCHS AND THREE ELEMENTS

Summary. This paper shows how temporology — a study of time — helps us to evaluate our inborn potential, to respect the differences between different people and to harmonize our relationships with them. We examine the lives of Andrei Bely and Alexander Blok who were born in 1880. Their backgrounds had much in common, they knew and appreciated each other, and both were regarded as significant Russian symbolists. One of the most painful periods in the lives of both poets was caused by a love triangle among Blok, his wife Lyubov Mendeleeva and Bely. The fascinating story of their creativity and relationships is presented through a collection of multiple biographical and autobiographical resources. Looking temporologically, we see that their stories follow archetypical patterns and their experiences and feelings are still relevant for many of us today. I hope that a new approach, proposed in this paper, will open a promising avenue of biographical research and stimulate further explorations in this exciting field of psychological inquiries.

Key words: Alexander Blok, Andrei Bely, Lyubov Mendeleeva, culturology, temporology, effect of celestial twins, Phoenix Clock, theory of emotions, elements, psychology of relationships.

А под маской было звёздно.
Александр Блок

Пролог

Одногодки, Андрей Белый (1880–1934) и Александр Блок (1880–1921), родившиеся с разницей всего лишь в один месяц, оба полагали, что родились и жили на рубеже двух эпох. Об обоих написана масса биографической и исследователь-

ской литературы, и всё-таки тайного в их дружеском союзе осталось больше, чем явного. Тайное всегда влечёт к себе тем, что за его вуалью кроется нечто, способное стать новым, близким и понятным. Будучи понятным, тайное становится нам другом, рассеивающим страхи и помогающим осознаннее и радостнее жить. Ключевым словом для этой новой попытки заглянуть в таинство сходств и различий двух неподражаемых российских поэтов стало понятие «рубежей».

Рубежи бывают разными. Рубежами могут быть границы между странами или стыки между разными историческими эпохами; могут быть границы между разными телами или между «я» и «ты». Края тел, явлений или процессов бывают чёткими или размытыми, явными или кажущимися. В свете этого, для обозначения рубежей было предложено много разных слов, таких как *край, грань, черта, предел, водораздел, межа, этап или века*. Но будь то в литературе, философии, психологии или в точных науках, рубежи порождают один из самых загадочных вопросов: «что происходит на их стыке, в зоне соприкосновения различий»?

Этот вопрос постоянно занимал и меня. Как материаловед, я интересовалась диффузией на границе между алмазами и металлами. Став темпорологом, в науке о времени я в трёх своих книгах знакомила читателей с дополнительными типами рубежей.

В *Селестриальных близнецах* (2006) рубеж проявлялся на границе между разными сутками, когда люди, рождённые в разные дни, отличаются своими жизненными нарративами намного резче, чем люди, родившиеся в один день одного года, и названные «селестриальными близнецами» [12, 14]. В поэзии рубеж, выявляемый эффектом селестриальных близнецов, пожалуй, ближе всего освещён в стихотворении Бальмонта на мотив псалма 18:

Ночь ночи открывает знание,
Дню ото дня передаётся речь.

В *Часах Феникса* (2013), показавших, что культурные процессы на Земле протекают синхронно с 493-летним циклом вращений Нептуна и Плутона, рубеж проходил по границе между двумя смежными годами Феникса [13, 24]. Например, тот год Феникса, в котором мы живём сейчас, начался в период между 1885–1900 годами. Поколению, рождённому в те года, было под силу сломать многовековые традиции, ввести новые понятия и задать новые ритмы [14]. Поэтически этот рубеж воспела Анна Ахматова (1889–1966):

А Муза и глохла и слепла,
В земле истлевала зерном.
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

Ещё одна, и, пожалуй, самая удивительная разновидность рубежей, была описана мною в *Картографии эмоций* (2019). Оказалось, что в зависимости от даты рождения и того знака Зодиака,

в котором тогда находилось Солнце, люди могут быть отнесены к четырём стихиям — Огню, Воздуху, Земле и Воде [15, 25]. При этом каждой стихии свойственны свои особые типы воображения, чувств и мировосприятия. Средневековый поэт и мудрец Авраам ибн Эзра (1089–1164) так писал об этом:

Из четырёх стихий
Всё сущее сотворено.
Свидетельством тому
Будут наши сердца.

Вглядываясь в свою суть, и различая в ней основные стихии, мы порой не различаем рубежей, и наши отношения с самими собой и с нашими близкими могут выйти из рамок взаимного уважения и перейти в конфронтацию с появлением линий фронта.

Совместная мозаика эти трёх взглядов на рубежи, в её ковровом переплетении со стихами, письмами и мемуарами Белого, Блока и их современников, не только поможет нам воссоздать особую мелодию небесных сфер, но и спустит нас на землю, чтобы заново открыть поэзию ежедневного существования сегодня, здесь и сейчас.

В преддверии нового года Феникса

Оба поэта — Андрей Белый (р. 26.10.1880, Скорпион, Вода) и Александр Блок (р. 28.11.1880, Стрелец, Огонь) — принадлежали к тому завершавшемуся году Феникса, который для нашего поколения уже миновал безвозвратно. Перефразируя Белого-Блока, люди уже не те, что прежде... Их общий друг, поэт Владислав Ходасевич (1886–1939), родившийся всего лишь шестью годами позже обоих, но уже в новом году Феникса, так писал об этой разнице в статье о Белом в *Некрополе*:

«Я уже не принадлежал к тому поколению, к которому принадлежал он, но я застал его поколение ещё молодым и деятельным» [20].

Поразительно, что подобную разницу «поколений» Ходасевич подмечал и между Блоком и Николаем Гумилёвым (1886–1921):

«Принадлежа к одной литературной эпохе, они были людьми разных поэтических поколений» [21].

Новый час Феникса вступал в силу между 1885 и 1900 годами, а оба «младших символиста» родились в переломный для русского символизма момент, в самом конце заключительной фазы года Феникса, на рубеже двух 493-летних эпох.

В первой книге своих воспоминаний — *На рубеже двух столетий* — Белый так описывал эту ситуацию:

«Во многом непонятны мы, дети рубежа: мы ни ‘конец’ века, ни ‘начало’ нового, а — схватка столетий в душе; мы — ножницы меж столетьями; нас надо брать в проблеме ножниц, сознавши: ни в критериях ‘старого’, ни в критериях ‘нового’ нас не объяснишь» [8, с. 180]; «Автор стоит на рубеже двух эр; одна — миновала; другой — еще нет; и пробел неизбежно заполняем не догматами, а серией рабочих гипотез» [1, с. 46].

В «Неоконченной поэме» Блока видны те же символы рубежа, когда «ещё мерцал вечерний хаос» прошлого, но уже появлялись первые признаки будущего:

Я вижу огненные знаки
Чудес, рождённых на заре.

Чувства конца старого пути и невозможности осознать новые направления неотступно преследовали Блока. В 1908 году он писал:

«... хотим мы или не хотим, помним или забываем, — во всех нас заложено чувство болезни, тревоги, катастрофы, разрыва» [7, с. 164].

С годами чувство безысходности у Блока усиливалось, и в 1917 году оно достигло апогея:

«Нет, не надо мечтать о Золотом веке. Сжать губы и опять уйти в свои демонические сны» [17].

Чтобы лучше понять ограничения, налагаемые эпохой заключительной фазы уходящего года Феникса (1392–1885), попробуем взглянуть на них глазами уроженца нового часа Феникса, Осипа Мандельштама (1891–1938). В статье, посвящённой годовщине смерти Блока, он писал, что «в литературном отношении Блок был просвещённый консерватор». Это не означало, однако, что Блок ни в чём не был новатором, но у него не было «ни одного открытого разрыва с прошлым»; «представляя себе Блока как новатора в литературе, вспоминаешь английского лорда, с большим тактом проводящего новый билль в палате. <...> Литературная революция в рамках традиции и безупречной лояльности» [16, с. 273].

Глубокие различия поэтов, пришедших по часу своего рождения до и после наступления часа Феникса 1885 года, касались не только вопросов стиля, ритмики, тем, но и образности. Как я писала в *Часах Феникса*, большинству поэтов наступающей новой эры, таким как Цветаева, Мандельштам и Ахматова, было свойственно отождествлять себя с Фениксом. Например, Марина Цветаева (1892–1941) восклицала:

Птица-Феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю — и горю до глотка!
И да будет вам ночь — светла!

Напротив, поэтам конца года Феникса, таким как Эдгар По (1809–1849), был ближе образ карающего ворона. В этом плане символично, что Блок, обращённый «ликом печальным / К иным горизонтам, / К иным временам», ассоциировал себя с теми, кто отпугивал вороньё и был лишь отблеском прошлого:

И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный шлем,
Отблеском вечера...
Отблеском счастья...

Белый тоже нёс в себе печать уходящего года Феникса, ассоциировав себя в его представлении с окаменевшим и омертвевшим Сфинксом:

«Сфинкс и Феникс борются в наших душах. И на всем, что есть произведение духа человеческого, лежит печать Феникса и Сфинкса» [2].

Начало тайнства — одногодки

С раннего детства что-то неуловимое в мировом потоке связывало обоих поэтов с одинаковыми традициями. В своих *Воспоминаниях о Блоке*, Белый так напишет о загадочности и символичности их союза:

«Нам ясно казалось, что ‘миф’ нашей жизни, ‘миф’ вещей, <...> свел нас с Блоком для какой-то большой, малым разумом не осознанной цели, и мы, выражаясь словами А.А., [Блока] ‘перемигивались’, как заговорщики огромного дела» [3].

Несмотря на то, что Белый родился и жил в Москве, а Блок — в Петербурге, на протяжении всей жизни оба вращались в одних и тех же кругах. Оба с большой симпатией и теплотой вспоминают о дедушке Блока, профессоре Бекетове (Стрелец, Огонь), ректоре Петербургского университета, у которого каждый из них ребёнком любил сидеть на коленях.

Обоих первым вывел на литературную стезю издатель и писатель Михаил Сергеевич Соловьёв (Овен, Огонь). Блок вспоминал с благодарностью: «Первыми, кто обратил внимание на мои стихи со стороны, были Михаил Сергеевич и Ольга Михайловна Соловьёвы (двоюродная сестра моей матери)» [8, с. 5]. Белый, в свою

очередь, с большой любовью описал знакомство с Михаилом Сергеевичем в своей поэме «Первое свидание»:

Михал Сергеич Соловьёв,
Дверь отворивши мне без слов,
Худой и бледный, кроя плэдом
Давно простуженную грудь,
Лучистым золотистым следом
Свечи указывал мне путь.

В мемуарах Белый добавил, что именно М.С. Соловьёв придумал ему, урождённому Борису Николаевичу Бугаеву, литературный псевдоним «Андрей Белый»: «сказав ‘да’ моему творчеству, взял и под маркою ‘Скорпиона’ напечатал рукопись, о которой я и не думал, что она есть литература; сделал это он тихо, но твердо: один момент я даже ахнул, испугавшись писательского будущего; но он был непреклонен; и я стал ‘Белым’» [1, с. 346].

Для обеих юношей университетское образование (у Белого естественнонаучное, а у Блока — юридическое) было данью наследию отцов-профессоров: отец Белого, Николай Васильевич Бугаев, был профессором математики в Московском университете, а у Блока — Александр Львович Блок — профессором юриспруденции в университете Варшавы. Хотя оба поэта не продолжили заниматься тем, чему обучались в студенческие годы, оба считали, что университету они обязаны «долей научности» в своём творчестве. Оба опасались, как бы известностью своей не были обязаны профессорскому званию отцов.

Несмотря на значительное расстояние между двумя столицами, оба с детства близко общались и дружили с будущим поэтом Сергеем Михайловичем Соловьёвым (Скорпион, Вода, 1885–1942), троюродным братом Блока. Хотя Сергей был пятью годами младше Белого-Блока, он с ранних лет проявлял редкое дарование и философскую глубину чувств. Родившись в Скорпионе, так же, как и Белый, он, с одной стороны, был близок по духу ему. С другой стороны, он, подобно другому поэту, Велимиру Хлебникову (Скорпион, Вода, 1885–1922), был уроженцем нового часа Феникса. Точную дату рождения Соловьёва по новому стилю установить сложно, но ясно, что он либо был сестриальным близнецом Хлебникова, либо разница между ними сводилась к считанным дням. В этом плане важно добавить, что по воспоминаниям Белого, Сергей отличался поразительно ранней зрелостью, и уже в десять лет

казался ему не младшим, а старшим другом. Как и Хлебников, Сергей Соловьёв и Андрей Белый славились словотворчеством, основанном на поиске новых осмысленных звуко сочетаний. В биографии Хлебникова, приведённой в *Сестриальных близнецах*, я писала, что творчество — это основная характеристика Скорпиона, и символично, что новые слова для грядущей эпохи зарождались параллельно именно у поэтов, рождённых в этом знаке. Так или иначе, на раннем этапе союза между Блоком и Белым, Сергей, как посланец из будущего, служил важным связующим звеном; настолько значительным, что Сергей Соловьёв в своих воспоминаниях видел союз троих, как «прочный триумвират» [18].

Не имея многих близких друзей, с юношеских лет Белый и Блок параллельно ощущали особую душевную близость с поэтессой Зинаидой Гиппиус (Скорпион, Вода, 1869–1945). Она стала единственной «конфиденткой» Белого, поддерживавшей к тому же продолжительный и мистический эпистолярный диалог с Блоком.

Одним из наиболее значительных событий в жизни Белого и Блока стало то, что в 1903 году оба **одновременно** ощутили потребность начать переписку друг с другом. Оба видели в этом важный мистический знак. Вот как об этом писал Белый:

«Письма, по всей вероятности, встретились в Бологом, перекрестились, крестный знак писем стал символом перекрещенности наших путей, — от которой впоследствии было и больно, и радостно мне: да, пути наши с Блоком впоследствии перекрещивались по-разному; крест, меж нами лежащий, бывал то крестом побратимства, то шпаг, ударяющих друг друга: мы и боролись не раз, и обнимались не раз» [3].

Раз начатая, переписка между Белым и Блоком уже не прекращалась. Вскоре между ними возникла переключка, нечто вроде взаимного притяжения между двумя городами. Затем последовала первая встреча, после которой Белый сразу стал ближайшим другом Блока и его духовным братом. Так началась их «братская» дружба. Продолжился обмен стихами, мыслями и планами. В 1907 году Белый, заболевая перед выступлением, писал, что при необходимости Блок без проблем мог заменить его на концерте: «коль не Белый, так — Блок; мы для публики были в те годы вполне заменимы» [4, с. 296]. Всю жизнь Белый не переставал удивляться: как бы надолго друзья не пытались расстаться, некая загадочная сила вновь сводила их вместе. В 1918 году Белый писал Блоку: «Какая

странная судьба. Мы вот опять перекликнулись. <...> Всё, что Ты пишешь, взмывает в душе вещице те же ноты: с этими нотами я жил в Дорнахе: *я это знаю*» [19, с. 524].

Публикация их первых поэтических сборников состоялась одновременно в 1904 году. Именно Белый написал первую хвалебную рецензию на поэзию Блока, поставив её в один ряд с Брюсовым (р. 13.12.1873, Стрелец, Огонь). Интересно здесь заметить, что Блоку нравилось, когда его сравнивали с его любимыми поэтами — Тютчевым (р. 5.12.1803, Стрелец, Огонь), Фетом (р. 5.12.1820, Стрелец, Огонь), Некрасовым (р. 10.12.1821, Стрелец, Огонь) и Полонским (р. 19.12.1819, Стрелец, Огонь).

В стихах, в письмах и в прозе Блок и Белый обращались друг к другу как к родным братьям, которых ни у одного из них никогда не было: «Родной мой и близкий брат», — писал Блок Белому; «мой истинный брат», — отвечал Блоку Белый. Была в этой братской привязанности мистическая связь, которую Блок так описал в 1907 году в письмах к Белому: «я чувствовал между нами таинственную близость, имени которой никогда не знал и не искал» [9, с. 90]; «Будь уверен, что Ты — из близких мне на свете людей — один из первых — очень близкий, таинственно и радостно близкий». Белый, в свою очередь, даже за год до смерти Блока продолжал уверять его: «я всегда ощущаю факт Твоего бытия». В *Дневниковых записях* 1921 года, сделанных сразу после смерти Блока, Белый пытался проникнуть в глубину глубин своих чувств: «'бытие' Блока сопровождало меня всюду; я мог быть в Москве, в Петербурге, в Каире, в Дорнахе, — и всюду я знал, чувствовал, что у меня есть брат: и это был — Блок».

На рубеже двух стихий

Казалось бы, идиллия. Ну чем не сестелиальные близнецы, родившиеся в один день одного года? Но если у сестелиальных близнецов, как правило, девять из десяти известных небесных светил (кроме быстро движущейся Луны) расположены в тех же зодиакальных знаках [25], то у наших поэтов совпадало положение только шести светил. Помимо пяти более медленно движущихся планет, задававших ритмы мировых процессов (Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и Плутон), у Белого и Блока только Меркурий (*как мы мыслим*) стоял практически на том же градусе Скорпиона, и порой, глядя на их творчество, возникало ощущение единства потока мировой мысли.

Но были и различия, ибо при всём сходстве мышления, Солнце в Скорпионе у Белого было индикатором радикального отличия его личности от личности Блока, родившегося с Солнцем в Стрельце. Огонь и Вода — это разные стихии. Как показано в *Картографии эмоций*, поэты, рождённые в периоды, относящиеся к разным стихиям, по-разному воспринимают и по-разному отображают окружающий мир [15, 25]. У них разный набор эпитетов и метафор. Упрощённо говоря, для Огня самые важные чувства — это их энергия, желания, дух; для Воздуха — интеллект, понимание, разум; для Земли — стимулы, материальный мир, тело; для Воды — эмоции, вера, душа. Блок и Белый не были исключением. При более близком контакте двух поэтов всплывали как различия характеров и темпераментов, так и разница в их эпитетах, метафорах и способах их взаимодействия с внешним миром. Вот как эти глубинные сходства и контрасты воспринимала их общая «конфидентка» Зинаида Гиппиус (р. 20. 11. 1869, Скорпион, Вода): «Трудно представить себе два существа более противоположных, нежели Боря Бугаев и Блок. Их различие было до грубости ярко, кидалось в глаза; тайное сходство, нить, соединяющая их, не так легко угадывалась и не очень поддавалась определению» [19, с. 88].

Гиппиус поясняла, что различия между Блоком и Белым сводились к тому, что «чувствовалась иная материя, разная природа», а сходство состояло в том, что оба поэта казались «скажем прямо, людьми 'ненормальными'» [19, с. 89].

Гиппиус с присущей ей поэтической лаконичностью рисовала текучий, как вода, портрет Белого и его: «бесконечно льющиеся водопадные речи» с жестами и «лицом вечно меняющимся». Позднее Илья Эренбург (р. 26.1.1891, Водолей, Воздух) тоже будет использовать «водные» метафоры, чтобы воссоздать портрет Белого в книге *Портреты современных поэтов*: «Он — блуждающий дух, не нашедший плоти, поток — вне берегов. ... В его ритме нет ни биения сердца, ни голосов земли. Так звенят великолепные водопады высоко, там, где уже трудно дышать, где простой человеческий голос звучит, как рог архистратига, где слезы, теплые, людские мгновенно претворяются в прекрасные, блистающие, мёртвые звезды» [23].

Удивительную огненность Блока описал Андрей Белый в первый же день их встречи. Относящийся к стихии Воды Белый ожидал в своём собрате увидеть глубину мистицизма и сентиментальности. Не обнаружив её, он писал:

«Но — лучезарность была; он ее излучал и, если хотите, он ей *озарял разговор*; в нем самом озаренности не было, но из него расширялось какое-то световое и розовое тепло (темно-розовое порою); физиологическое и кровное; слышалась влажная почва, откуда-то проплаваемая огнем; а ‘воздуха’ — не было; физиологичность души его при отсутствии транспарантности ‘озарений’ производила страннейшее впечатление; и — подымался вопрос: ‘Чем он светится?’ Какие-то радиоактивные силы тут были (преображенности, взрыва?)» [19, с. 103].

То, что Белый описал как видение своего сердца, Корней Чуковский (р. 31.3. 1882, Овен, Огонь) изобразил чуть ли не поэмой в прозе о роли Огня в творчестве Блока:

«И единственным огнём его ночи была та, кого он называл Лучезарная. Все, что есть в природе огневого и огненного, было связано для него с её образом, а все, что не она, было тьма. Стоило ему упомянуть о ней, возникало видение огня: либо светильника, либо горящего куста, либо зари, либо маяка, либо пожара, либо звезды, либо пламени. Он часто говорил о ней, как о чём-то горящем: ‘ты горишь над высокой горою’, ‘зажгутся лучи твои’, и называл её: Ясная, озарённая, Светлая, Золотая, Ярким солнцем залитая, Заря, Купина и т. д.

Она всегда была для него не только женщина, но и световое явление. Поучительно следить, как постепенно из неясного светового пятна создается этот огненный миф. Стихи, написанные до её появления, он называл *Ante Lucera*, то есть ‘Перед появлением света’, потому что она действительно была единственным *Lux* (свет), единственное солнце его мироздания» [22].

Разница в стихийном видении мира была не случайной и мимолётной: она сопровождала Белого и Блока с самого рождения. «А вода? Миг — ясна...», — писал поэтически Белый. Отличавшийся редкой способностью воспроизводить в своей памяти картины раннего детства, Борис Николаевич Бугаев характеризовал начало жизни водными эпитетами:

«... я переживаю себя, как брошенного в **пучину**; **выплыву** на мгновенье, схвачусь за летящий на **волнах** обломок разбитого корабля; и — вновь **утопаю**» [1, с. 179].

Начало жизни Блока ассоциировалось у него с образами огня:

Луч зелёный, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Быть поэтом для Блока значило «вперяться» в темноту и «прозревать» там огонь:

Вперясь в сумрак ночи холодной,
В нём прозревать огонь и свет —
Вот жребий странный, беспощадный
Твой, божьей милостью поэт!

Но если песни для Блока — это «огневые струи», то у Белого поэзия возникает из Воды: «Мои слова — жемчужный **водомёт**».

В записях Блока 1917 года есть уникальное литературное свидетельство, открывающее для него самого особенности его жизнедеятельности, поддерживаемой озарением лучей: «Иногда мне кажется, что я всё-таки могу сойти с ума. Это — когда наплывают тучи дум, прорываться начинают сквозь них какие-то особые лучи, озаряя эти тучи особым откровением каким-то. И вместе с тем подавленное и усталое тело, не теряя усталости, как-то молодеет и начинает нести, окрыляет» [8, с. 124].

Если у Блока главное — «ищу свою звезду», то Белый в письме к нему от 1911 года противопоставляет своё видение главного: «*главное — шум моря* спереди <...> Будет берег моря, будет отдых на берегу, чтобы потом начать плавание» [19, с. 398].

Для Блока главным в мировосприятии было «узреть», «провидеть» очами или вещими зеницами, что соответствует Стрельцу, с его девизом «я провижу»:

Но к цели движется поэт,
Стремится, истиной влекомый,
И вдруг провидит новый свет
За далью, прежде незнакомой.

Не так у Белого, рождённого в водном знаке Скорпиона: он «закрывал рукою глаза», чтобы внешнее видение не мешало ему воспринимать образ Блока, который он «читал в сердце своём». Закрывая глаза на реальные картины, Белый предпочитал «уныр» в глубины чувств и космического сознания. Следуя девизу своего знака «Я творю», он был убеждён, что «Жизнь вообще вытекает из творчества. Жизнь — часть творчества» [2]. Для Белого любой художник — это «творец вселенной», а поэзия начинается там, где «творчество поэта обращается на себя» [2].

Для Блока даже любовь ассоциируется с огнём и пламенем:

Моя любовь горит огнём порой,
Порой блестит, как звёздочка ночная,

Но вечно пламень вечный и живой
Дрожит в душе, на миг не угасая.

Для Белого, любовь видится наполненной жизненной влагой:

Любви неизреченной знанье
Во влажных, ласковых глазах;
Весны безвременной сиянье
В алмазно-зреющих слезах.

У Белого — представителя Воды — есть ответ стихии Огня в стихе, посвящённом Брюсову:

Ах, лазурью очей
я омою вас всех.
Белизною моей
успокою ваш огненный грех.

Для Блока пламенность речей — это не просто поэтический приём или метафора, это образ жизни. Признаваясь в любви своей будущей супруге, Любови Дмитриевне Менделеевой, 20 ноября 1902 года Блок писал: «У меня громадное, раздуваемое пламя в душе» [19, с. 37].

В противовес пожару в душе у Блока, для Белого, душа мира —

Вечной
тучкой несётся,
улыбкой
беспечной,
улыбкой зыбкой
смеётся.

Да и сама жизнь для Белого — это плавание по реке времени:

Река, что время:
летит — кружится...
Мой челн сквозь время,
сквозь мир помчится.

Мечтая о любви, Белый часто возвращался к образу корабля или лодки. Если лодка в порядке, то и её капитан находится в согласии с командой. Но если появляется в ней течь, то несдобровать никому. Плывая по волнам времени, Белый бросал в вечность свой призыв к истинной Любви:

Милая, где ты, —
Милая?
Руки воздеты:

Жду тебя
В струях Леты,
Смытую
Бледными Леты
Струями...

Обращаясь к своей жене Асе, Белый трогательно очень «водно» писал:

Наш серебряный путь
Зашумел временным водопадом.
Ах, и зло, и добро
утонуло в прохладе манящей!
Серебро, серебро
омывает струей нас звенящей.

Начало и корни невнятицы и неразберихи

Порой огненные метафоры Блока становились непонятными даже искренним поклонникам его таланта.

Из очей ее крылатых
Светит мгла.

Святящаяся мгла? Для Огня, быть может, такая метафора приемлема; другим она может показаться в лучшем случае непонятной, странной. Даже в глазах Белого и Блока их многочисленные образы и сравнения остались в лучшем случае непонятными, а в худшем становились даже оскорбительными. Так случилось, когда один из поэтических огненных образов Блока («Я сам иду на твой костёр! / Сжигай меня») позволил Белому подшутить над другом в повести *Кубок метелей*:

«Вышел великий Блок и предложил сложить из ледяных сосулечек **снежный костёр**. Скок да скок на **костёр** великий Блок: удивился, что **не сгорает**. Вернулся домой и скромно рассказывал: ‘Я **сгорал на снежном костре**’. На другой день всех объездил Волошин, воспевая ‘чудо св. Блока’».

Увы, хотя Белый еще ранее в письме Блоку в ноябре 1903 признавался: «Область слова есть для меня предмет ненужный» [19, с. 96], Блок не воспринял строки Белого как дружескую насмешку или лёгкую иронию. Его реакция, как и часто бывает у представителей Огня, была гневной: «Я прочел ‘Кубок Метелей’ и нашел эту книгу не только чудой, но глубоко враждебной мне по духу». Помимо «кощунственности», эта повесть Белого оттолкнула Блока смысловой невнятицей: «...отрицаю эту симфонию, за исключением немногих мест, уже по

одному тому, что половины не понимаю (но и никто не понимает)» [1, с. 111].

На такой отпор Белый ответил бурным всплеском чувств: «Ввиду ‘сложности’ наших отношений я *ликвидирую* (курсив Белого) эту сложность, прерывая с Тобой отношения (кроме случайных встреч, шапошного знакомства и пр.)» [19, с. 347].

(Символично, что слово «*ликвидация*» происходит от латинского *liquidus*, означающего разжижение, текучесть...).

Подобные «недопонятости» порождали серию размолвок. Периодически друзья обижались друг на друга, но затем они всё чаще осознавали различие в объективной природе своего мышления. Белый не раз писал Блоку: «Просто я понял, что мы говорим на разных языках» [19, с. 305];

«... мы с вами с разных планет: но мне думается, что более способен понять мимику португальца, объясняющегося по-русски, чем Вас, которого так долго считал ‘близким’» [19, с. 304].

С другой стороны, порой и Блоку приходилось утешать Белого, когда того никто не понимал. В 1904 году Белый писал, как «Вскоре в Москву приезжает Блок; и я прямо, так сказать, рухнул ему в руки, с моим горем о... непонятости» [17].

Парадоксально, но вдобавок к различиям стилистическим, у Блока и Белого недопонимание усугублялось как раз их сходством. Рождённые на рубеже уходящего года Феникса и тщетно пытающиеся обогнать своё время, оба чувствовали себя обречёнными на косноязычие из-за отсутствия подходящих слов для полноты самовыражения. И ещё одно плачевное для обоих сходство: в дни рождения каждого из них Меркурий в Скорпионе (*как я мыслю*) находился в противостоянии к Плутону в Тельце (*необходимость трансформации*). Это противостояние традиционно считается индикатором необходимости трансформации мышления, которое как у Белого, так и у Блока было связано с символикой и образностью. Для них самих в каждый момент символика могла казаться предельно ясной, но для окружающих она таила в себе многозначность трактования и поддавалась любым манипуляциям. Например, Блок писал:

«Каждый год моей сознательной жизни резко окрашен для меня своей особенной краской» [8, с. 5]. Вполне возможно, что у него каждый цвет ассоциировался с определённым настроением или действиями. Но что читатель может понять о чувствах Блока, когда он пишет про «лиловые миры первой революции»? Только то, что Блок описывает некое настроение или событие, но у других людей те же действия или

настроения могут быть связаны с иными цветами, звуками или ритмами.

Недопонимание образа мышления Блока и Белого отмечалось многими. Может, именно поэтому философ Николай Бердяев (р. 18.3. 1874, Рыбы, Вода) в 1931 году заключал: «Мне всегда казалось, что у Блока совсем не было ума, он самый не интеллектуальный из русских поэтов» [6]. Со своей стороны, Илья Эренбург комментировал: «Хорошо, что Блок пишет плохие статьи и не умеет вести интеллигентных бесед. Великому поэту надлежит быть косноязычным» [23]. Корней Чуковский добавлял, что Блок — «мастер смутной, неотчетливой речи. Никто, кроме него, не умел быть таким непонятным. Ему отлично удавались недомолвки» [22].

В одном из писем Белый писал Блоку о его стихах: «над ними стоит туман недосказанного, но они полны ‘скобок’ и двусмысленных умалчиваний, выдаваемых порой за тайны» [19, с. 180]. Это не мешало Белому позднее в отзыве о статье Блока «Катилина» восторгаться недомолвками Блока: «я прочёл в это статье не только то, что Ты сказал, но и то, что Ты не сказал: прочёл не в словах, а в ритме; и в ритме прочёл, что сейчас Ты мог бы сказать многое» [19, с. 535].

В своих *Воспоминаниях о Блоке* Белый пояснял, что оба брата-поэта «говорили всегда не о том, что — в словах, а о том, что — под словом; прочитывая шифры друг друга, мы достигали невероятного понимания; когда не умели прочесть, между нами вставала ужасная путаница, угрожающая катастрофой» [3]. Тем не менее, Белый продолжал уверять себя и Блока, что «Во внешнем мире мы люди диаметрально противоположные; внутри же — там, там любовь у меня к Тебе» [19, с. 356].

В свою очередь, Блок сделал очень сильное признание: «я вообще никогда ... не умел выражать точно своих переживаний, да у меня никогда и не было переживаний, за эти словом для меня ничего не стоит» [19, с. 181].

Позднее Блок всё сильнее стал ощущать, что они с Белым «разного духа». Более того, он пояснял: «Мы с Вами и письменно и устно объяснялись в любви друг другу, но делали это по-разному — и даже в этом не понимали друг друга» [9, с. 91].

Их разрывы и обиды долго не продлевались, и контакты Белого и Блока всегда возобновлялись, но «невнятица», «непонимание» усугубились со временем тем, что оба поэта были влюблены в Любовь Дмитриевну Блок (Козерог, Земля, 1881–1939). Оба были готовы драться за неё на дуэли, и оба были несчастны в этой любви.

«Необъясниха» — так назвал Андрей Белый главу в книге *Между двух революций*, где он вспоминал о подробностях и кульминации той любовной драмы.

На рубеже трёх стихий

Введение стихии Земли во взаимоотношения между триумвиратом «Белый-Блок-Соловьёв» привело к тому, что их «недопонимания» переросли в настоящие коллизии стихий. Оглядываясь назад, в 1919 году Блок вспоминал о зарождении той любви, «о которой и после моей смерти прочтут в моих книгах» [8, с. 163]. Поэт окрашивал эту любовь пламенными тонами идеализации себя и своей возлюбленной:

«... я носил в себе великое пламя любви, созданной из тех же простых элементов, но получившей новое содержание, новый смысл от того, что носителями этой любви были Любовь Дмитриевна и я — ‘люди необыкновенные’» [8, с. 163].

Действительно, история любовного треугольника Блок-Менделеева-Белый, впоследствии описанная Блоком в его «Балаганчике», продолжает привлекать интерес многих. Но вряд ли Блок изначально стремился к тому, чтобы его любовь вспоминалась, как клубок запутанных отношений между марионеточными Коломбиной, Пьеро и Арлекином. Он хотел сказочных неземных отношений между «необычными людьми», но реальность законов взаимодействия разных стихий не соответствовала его намерениям.

Как и предполагалось ранее в *Картографии эмоций*, все участники этой драмы, родившиеся в разных стихиях, разных «элементах», видели и чувствовали её по-разному [15]. Огонь энергично и пламенно стремился к достижению своих идеалов; Вода погружалась в глубины чувств, моральных и религиозных ценностей; Земля пассивно воспринимала знаки внимания; Воздух продолжал логично рассуждать обо всём. При первом же серьёзном столкновении стихий эмоции начали зашкаливать, а дружеские связи — разрываться. Первым выпал из триумвирата Сергей Соловьёв (Вода). Он, как и Белый, был равнодушен к Любе и не смог выдержать накала страстей, разыгравшихся вокруг неё. С Белым у Соловьёва сохранились добрые отношения на всю жизнь, но с Блоком его душевная близость не выдержала испытания временем. После видимого примирения с Блоком, Соловьёв в своих воспоминаниях так описывал эту ситуацию: «Но прежней нашей дружбе не суждено было воскреснуть. Мы продолжали смотреть

в разные стороны. Встречи наши были ласковы, дружелюбны, но внешни» [18].

Любовный треугольник Александр Блок — Любовь Блок — Андрей Белый привлекал внимание многих писателей. Об этом столько написано, что, казалось, к этому добавить больше нечего. Я не стану здесь повторять детали этой любовной драмы, потому что не она сама важна для взгляда темпорологии, а именно те коллизии, что происходили и продолжают происходить на стыках разных стихий. Все, что описано далее — это не столько любовный сюжет, сколько стихийный этюд. Путеводной звездой этого этюда станут слова Блока, с которыми он обратился к Белому в 1907 году, чтобы выявить суть их ссор и конфликтов:

«С первых же писем, как я сейчас думаю, стараясь определить суть дела, сказались различие наших *темпераментов*, и странное несоответствие между нами — роковое, я бы сказал» [9, с. 90].

«Но думаю, что и в расхождении надо сохранить друг о друге то знание, которое дали нам опыт и жизнь» [9, с. 94].

Цель последующего текста, прежде всего, вскрыть причины «невнятицы», чтобы не пропал опыт прошлого, и чтобы в наши времена больше влюблённых и друзей осознанно учились принимать и уважать ключевые понятия близких им людей.

В отличие от Белого и Блока, чьи внутренние переживания, отражённые в стихах и прозе, давно уже стали доступными для широкой аудитории, тихий голос Любви Дмитриевны Блок ещё долго оставался неслышимым в потоке биографической информации. Её автобиография *И были, и небылицы о Блоке и о себе*, написанная в 1929 году, не издавалась на протяжении многих десятилетий [10]. Стихия Земли продолжала оставаться пассивной, хранящей покорное молчание и реагирующей только на внешние стимулы. Символично, что такое молчание соответствовало и самооценке Любы, описанной ею в письме к своей свекрови в 1907 году:

«...я называю себя ‘обречённой’, живу без воли своей, без хотений, а ведёт меня моя дорога, и я спокойно жду тех этапов, куда приведёт...» [19, с. 329].

В последующих отрывках я постараюсь осветить закономерности отношений в треугольнике, говоря словами самих действующих лиц и близких им людей, цитируя их воспоминания и переписку. Помимо основных мемуарных текстов всех участников этой драмы, я ссылаюсь на их письма, приведённые в замечательной биографической подборке Игоря Талалаевского *Коломбина, Пьеро, Арлекин... Любовь Блок, Александр Блок и Андрей Белый* [19].

Начну с того, что перед тем, как выйти замуж за Блока, Люба (Козерог, Земля) мучительно осознала разницу в их отношениях к любви. В январе 1903 года она писала жениху: «твоя любовь, как и вся твоя жизнь, для искусства, чтобы творить, сказать своё ‘да’; я для тебя — средство, средство для достижения высшего смысла твоей жизни. Для меня же цель, смысл жизни, все — ты. Вот разница» [19, с. 51].

Земная Люба была, действительно, иной по характеру, чем женщины семьи Бекетовых и чем большинство поэтов из окружения Блока. В воспоминаниях ближайшего друга Блока, Евгения Иванова, родившегося в Стрельце, как и Блок, появляется яркое описание членов семьи Бекетовых [11]. Без понимания стихий или познания астрологии, Иванов, как будто приводил основные характеристики стихий, описанных в *Картографии эмоций*. Открывает эту портретную галерею первый биограф Блока, его тётя, Мария Бекетова (Водолей, Воздух):

«Мария Андреевна — философ, рассудительный. Рассуждение и рассудок — основа её, без рассудка ей беда» [19, с. 175].

В отличие от неё, мать Блока, Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух, или Аля (Рыбы, Вода):

«Александра Андреевна — мистик духовный (и лицо у неё мистической сектантки), она всё постигает не рассудком душевным, а в духе ‘ударно’, в моментах, ‘ударах’ вдохновения, без духа ей беда» [19, с. 175].

И в довершение, молодая жена Блока, Люба (Козерог, Земля):

«В Любви земля молчала, как молчит она на заре, и земля в ней была глубока, как заря... Земля тогда была в Любе со всеми, невыраженными ещё силами земными, и земля, молча ждала ‘счастья’, как ‘царства обетованного’, которое принесёт ей жених, как муж» [19, с. 119].

Стоит ли удивляться тому, как воспринимала свою новую, ничем, по её мнению, не интересующую, родственницу, тётушка Мария Бекетова:

«Нет ни кротости, ни терпения, ни тишины, ни способности жертвовать. Лень, своеволие, упрямство, неласковость. — Аля прибавляет — скудость и заурядность; я боюсь даже ей сказать, уж не пошлость ли все эти ‘хочу’, ‘вот ещё’ и сладкие пирожки» [19, с. 95].

С годами антагонизм усиливался, и в 1906 году Мария добавляла о Любе: «И недобрая она, и жестокая, ух-какая...»; «недобрая и грубая. Ничего моего не понимает» [19, с. 253].

Мать Блока, рождённая в Воде, с годами тоже давала более чёткое определение своих отношений с невесткой. В 1911 году она писала Евгению Иванову: «Наши отношения с Любой или, вернее, её отношение ко мне — это *убийственное* в моей жизни. Стою на этом определении. Оно точное» [19, с. 386].

Через год Александра Андреевна (Рыбы, Вода) не менее чётко давала Иванову определение своего сына: «Саша живёт страстями и духом. Это было с самых малых лет. Чувство — это ему было чуждо всегда. Судите, как хотите, отвернитесь от него, но не собирайте смок с терновника» [19, с. 420].

В своих воспоминаниях Любовь Блок представила свою точку зрения. До встречи с Блоком она только начала расцветать как юная девушка, впервые осознающая привлекательность и красоту своего тела. Рожденная в Козероге, как и Мандельштам, она как бы спрашивала:

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

Стихов Люба не писала, но, читая её поэтические описания своего студенческого периода, невольно вспоминаешь сцену утра из балета Прокофьева «Ромео и Джульетта» с Галиной Улановой (Козерог, Земля) в главной роли. В этой сцене мать подводит совсем ещё юную Джульетту, не помышлявшую о замужестве, к зеркалу, и девочка с удивлением замечает, что она уже не ребёнок, а молодая красивая женщина. А вот как Люба запомнила период формирования своего тела в процессе взросления:

«... жизнь во мне просыпалась. Я ощущала свое проснувшееся молодое тело. <...> Я проводила часы перед зеркалом. Иногда, поздно вечером, когда уже все спали, а я всё ещё засиделась у туалета, на все лады причёсывая или рассыпая волосы, я брала свое бальное платье, надевала его прямо на голое тело и шла в гостиную к большим зеркалам. Закрывала все двери, зажимала большую люстру, позировала перед зеркалами и досадовала, зачем нельзя так показаться на балу. Потом сбрасывала и платье и долго, долго любовалась собой. Я не была ни спортсменкой, ни деловой женщиной; я была нежной, холеной старинной девушкой. Белизна кожи, не спалённая никаким загаром, сохраняла бархатистость и матовость. Нетренированные мускулы были нежны и гибки. <...> Я была очень хороша, я помню, несмотря на далеко не выполненный ‘канон’ античного сложения» [10, с. 31–32].

При этом, по словам Любы, ей, как и многим молодым людям тех лет, негде и не у кого было получить минимальную информацию о физиологии интимности. Все, что касалось стихии Земли, выходило за рамки приличий прошлого года Феникса. Люба не была исключением: «Я до идиотизма ничего не понимала в любовных делах. Тем более не могла я разобраться в сложной и не вполне простой любовной психологии такого не обыденного мужа, как Саша» [19, с. 203].

Проблема общения Любы с Блоком возникла с первых дней их знакомства. Она — земная женщина — искала лелеянья своего телесного образа и самовыражения в земных объятиях. Он — огненный мужчина — искал идеал неземной Девы, которой должно поклоняться, но которую нельзя «унижать» земными ласками. В своих воспоминаниях Любовь Дмитриевна осознавала, что Блок предложил ей жить в мире мечтаний:

«... у нас сразу же, с первого года нашей общей жизни, началась какая-то игра, мы для наших чувств нашли ‘маски’, окружили себя выдуманными, но совсем живыми для нас существами, наш язык стал совсем условный» [10, с. 86].

Как полагали многие, и как намекала сама Люба, брак между нею и Блоком по большей части, оставался платоническим: «Конечно, не муж и не жена. О Господи! Какой он муж и какая уж это была жена!» [19, с. 203].

«Моя жизнь с ‘мужем’ (!) весной 1906 года была уже совсем расшатанной. Короткая вспышка чувственного его увлечения мной в зиму и лето перед свадьбой скоро, в первые же два месяца, погасла, не успев вырвать меня из моего девического неведения». «Отвергнута, не будучи еще женой, на корню убита основная вера всякой полюбившей впервые девушки в незыблемость, единственность» [19, с. 203].

Положение усложнялось тем, что Блок, поклоняясь Любе, продолжал удовлетворять то, что он считал своими низшими потребностями, покупая интимную близость за деньги у других. Слухи об этом дошли и до Белого, который питал к Любе самые возвышенные чувства. Всё в нём протестовало против такого отношения к возлюбленной, и он всеми силами души пытался вложить в неё свою душу и пробудить в ней полноту чувств живой женщины. Люба вспоминала:

«В этом отношении и был прав А. Белый, который разрывался от отчаяния, находя в наших отношениях с Сашей ‘ложь’. Но он ошибался, думая, что и я, и Саша упорствуем в своем ‘браке’ из приличия, из трусости и невесть еще из чего. Конечно,

он был прав, что только он любит и ценит меня, живую женщину, что только он окружит эту меня тем обожанием, которого женщина ждет и хочет» [19, с. 203].

Оглядываясь назад, Люба признавалась себе в том, что глубина чувств (Вода) Белого помогла ей признать право своей стихии Земли на существование:

«До тех пор я была во всем покорной ученицей Саши; если я думала и чувствовала не так, как он, — я была не права. Но тут вся беда была в том, что равный Саше (так все считали в то время) полюбил меня той самой любовью, о которой я тосковала, которую ждала, которую считала своей стихией <...> Значит, вовсе это не ‘низший’ мир, значит, вовсе не ‘астартизм’, не ‘тёмное’, недостойное меня, как старался убедить меня Саша. Любит так, со всем самозабвением страсти — Андрей Белый, который был в те времена авторитет и для Саши, которого мы всей семьей глубоко уважали, признавая тонкость его чувств и верность в их анализе» [19, с. 234].

Полюбив Любу, Белый всеми фибрами души хотел сделать её счастливой, а сделать это можно было, лишь возвратив ей уважение к её земной природе. Это произошло спонтанно, когда, оставшись наедине, оба с трудом могли сдерживать обуравшие их порывы:

«Мой мир, моя стихия, куда Саша не хотел возвращаться, — о как уже давно и как недолго им отдавшись! Все время ощущая нелепость, немыслимость, невозможность, я взгляда отвести уже не могла. И с этих пор пошёл кавардак. Я была взбурена не менее Бори. Не успевали мы оставаться одни, как никакой уже преграды не стояло между нами и мы беспомощно и жадно не могли оторваться от долгих и неутрачивающих поцелуев» [10, с. 54].

В те дни Белый поверил Любе, что Блок ей фактически не муж, что они не живут как муж и жена, а его она любит «братски». Белый хотел полноты любви и предлагал жениться на Любе после её развода с Блоком. Люба же изначально не собиралась покидать Блока, да и не могла противостоять его огненной энергии. В Белом она находила поддержку, но в нём ей не хватало физического, плотского начала. Она предлагала ему продолжать отношения, живя с Блоками в *ménage à trois*. Разрываемая сомнениями между Блоком и Белым, в те мучительные дни разворачивавшейся любовной драмы Люба признавалась Иванову:

«... не могу понять стихи, не могу многое понять, о чем он [Блок] говорит, мне это чуждо. Я любила Сашу всегда с некоторым страхом.

В нём детскость была родна, и в этом мы сблизились, но не было последнего сближения душ, понимания с полслова, половина души не сходилась с его половиной. Я не могла дать ему постоянного покоя, мира. Всё, что давала ему, давала уют житейский [Земля], а он может быть вреден. Может, я убивала в нём его же творчество. Быть может, мы друг другу стали не нужны, а вредны друг другу» [19, с. 216].

Это не мешало Любе писать Белому в те же дни 1906 года: «Ты для меня что-то большое, радостное, радостное и светлое» [19, с. 223]. С одной стороны, она отчаянно нуждалась в подпитке радости, которую могла получать от щедро одарённого чувствами «водного» Белого. С другой стороны, Люба по-настоящему пугалась того, что Белый хотел в ней пробудить не только Земную реальную женщину, но и взамен получить от неё тепло сердечности во всей полноте чувств. Этого Люба не могла и не хотела ему дать. В момент кризиса Люба выбрала путь превратного использования девиза своего земного знака «Козерога»: вместо вопроса «как я могу быть полезной другим», она искала возможности «как использовать других в своих целях». Если перед свадьбой с Блоком она опасалась, что служит ему лишь «средством» в его стремлении к славе, то теперь она сама использовала Белого как **средство** для повышения самооценки:

«Отношение моё к Боре было бесчеловечно, в этом я должна сознаться. Я не жалела его ничуть, раз отшатнувшись. Я стремилась устроить жизнь, **как мне нужно, как удобней**. ... Но я не думала о том, что всё же виновата перед Борей, что своё кокетство, свою эгоистическую игру я завела слишком далеко, что он-то продолжает любить, что я ответственна за это... Я думала только о том, как бы избавиться от уже **ненужной** мне любви, и без жалости, без всякой деликатности просто запрещала ему приезд в Петербург. Теперь я вижу, что сама доводила его до эксцессов, тогда я считала себя вправе так поступать, раз я-то уже свободна от влюблённости» [10, с. 57].

Постепенно Люба добавляла в треугольные отношения своё ощущение любви. Различия между стихиями только усугублялись, и в сентябре 1906 года Люба усиливала их в очередном письме к Белому: «Ни Вы меня, ни я Вас не понимаем больше...» [19, с. 250].

Любу больше не удовлетворяла возвышенная любовь Белого; она требовала от него полного изменения его личности. Условие Любы для возобновления дружеских контактов с Белым выглядят невероятными со всех точек зрения:

«Надо для этого, чтобы теперешний, распущенный, скорпионовский до хулиганства, Андрей Белый совершенно исчез и пришел кто-то новый...». В её прямом практическом подходе слова не важны: «Оправдайте себя — не словами, а делом». Более того: «Помните, я всегда готова повторить, что уже сказала раз: или изменитесь, или умрите...» [19, с. 250].

Символично, что, не изучая астрологию, Люба называет Белого «скорпионовским». Она относилась, скорее всего, к журналу «Скорпион», но в подходе символизма это не умаляло силы символики, тем более что традиционно основным уроком Скорпиона является как раз потребность в трансформации и изменении.

Такое поведение Любы лишало Белого душевного равновесия. Доходя порой до грани безумия, он отчаянно нуждался в том, чтобы Блок вдохнул новый огонь в их запутанные отношения и помог разрубить этот гордиев узел. Чувствуя себя беспомощным и «обездушенным», за помощью Белый обращался именно к Блоку: «Ведь душа-то моя в руках у Любы. Ведь она мне душу не вернула», — писал он другу [19, с. 224].

На фоне рвущихся связей между «поэтами-братьями» возникали проблемы и в отношениях между Белым и родственницами Блока. Важно отметить, что и эти отношения следовали своим архетипальным нарративам. Мария Бекетова (Воздух), как бесстрастный наблюдатель, отмечала в дневниках перемены в отношении Блоков к Белому: «Люба в восторге от интересного приключения, ни малейшей жалости к Боре нет. **Интересно** то, что Сашура относится к нему с **презрением**, Аля (Вода) с **антипатией**, Люба с насмешкой и ни у кого не осталось прежнего... Вот, однако, до чего довела Люба свою тщеславную и опасную игру в дружбу и сродство душ с отчаянно влюбленным молодым поэтом. Гибели его она не боится, она ей не страшна» [19, с. 238].

После серии размолвок (или недомолвок), после того как Белый угрожал убийствами и самоубийствами, посылал вызов на дуэль Блоку, а Блок вызывал на дуэль Белого, Белый поражался тому, что для Блока любовь — это вовсе не то, что для него самого (а следовательно, по его привычной логике, и для всех других «нормальных» людей!):

«Право, я удивляюсь, что Ты меня не понимаешь. Ведь понять меня вовсе нетрудно: для этого нужно только *быть человеком* и действительно знать, а не на словах только и не в литературе, *что такое Любовь*» [19, с. 242].

Белый продолжал с азартом убеждать, что он готов пояснить Блоку по пунктам о Любви то, что было бы понятно любому *живому* человеку, хоть раз испытавшему *настоящую* любовь. Он также не понимал, как люди, считающие себя утончёнными, могут не иметь ни капли сочувствия к ближнему.

Мотивируя своё желание драться с Блоком на дуэли, Белый делал далеко идущее заявление: «Прости, прости, прости меня: я никогда не питал зла лично к тебе, а только к силам, которые иногда, мне казалось, становились у тебя за плечами и действовали непроизвольно против святыни моей души» [19, с. 245].

Таким образом Блок становился для Белого лишь символом, а не живым человеком со своими слабостями и достоинствами. Он не понимал, что невозможно убивать в человеке его «составные части», не рняя при этом его самого. Ранее Блок отказывался смириться с земным образом своей реальной жены:

А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

А теперь Белый продолжал **творить** в своём воображении идеальный образ некоего универсального «живого» человека в Блоке. Ранее в «Балаганчике» Блок утверждал невозможность изменения своей природы:

Иду, покорен участи строгой,
О, вейся, плащ, огневой проводник!

Теперь Люба требовала полного перерождения от Белого. Но Белому уже не хватало Земной любви Любы. Любовь его влекла постольку, поскольку на ней лежал озаряющий отблеск её мужа, Блока. После того, как отношения между супругами вошли в русло «свободного брака», когда оба партнера параллельно имели любовников, Любовь Дмитриевна всё меньше походила на прежние мечты Белого о задушевном друге и любящей жене.

Мария Бекетова в 1907 году так комментировала новое поведение Любы после того, как у Блока начался роман с актрисой Натальей Волоховой, а Люба решила на любовную связь с женатым писателем Григорием Чулковым (Водолей, Воздух):

«Да, она не киснет, не унывает, не жалуется, не тоскует и т.д. Она мажорная. Это без сомнения сила, но это не сила любви, идеи и пр. Это сила здоровья и жизни только. Я думаю так. По-моему, этого мало» [19, с. 284].

На фоне этих перемен Белый по-новому взглянул на когда-то боготворимую им Прекрасную Деву. Он убедился в том, что «суть непонятно-го» в ней в том, что она «понимания не требует: все слишком просто, обиднейшее просто увиделось в ней». Опомнившись от наваждения, Белый в конце концов рассмотрел Земную природу Любы и с разочарованием бросил ей в лицо самое «правдивое» (в его понимании) определение: «Кукла!» [4, с. 299].

Сама же Любовь Дмитриевна с юных лет мечтала, чтобы жизнь дала ей повод отблагодарить своё тело и восхититься им. Ни Блок, ни Белый не давали ей в полной мере такой возможности. Блок вообще отшатывался от земной любви, как от чего-то тёмного. Белый, в поисках настоящей глубины чувств относился к телу, как к чему-то преходящему:

На нас тела, как ключья песни спетой...
В небытие
Свисает где-то мертвенной планетой
Всё существо моё.

Любовь Дмитриевна же боготворила само тело. Радость его приятия пришла ей позже, с одним из артистов из её драматической труппы, в котором «жило то же благоговение перед красотой тела и страсть его была экстаична и самозабвенна». Вот как она сама описывает эти сцены:

«В несколько движений я сбросила с себя всё и распустила блистательный плащ золотых волос, всегда лёгких, волнистых и холёных. <...> Я протянулась на фоне этой снежной белизны и знала, что я могу не бояться грубого, прямого света, падающего с потолка, что нежная и тонкая, ослепительная кожа может не искать полумрака...» [10, с. 62].

«Это безмолвное обожание, восторг, кольцо чар, отбросившее, как реальная сила — этот момент лучшее, что было в моей жизни. Никогда я не знала большей ‘полноты бытия’, большего слияния с красотой, с мирозданием. Я была я, какой о себе мечтала, какой только и надеялась когда-то быть» [10, с. 63].

Но и этот момент прошел, канул в Лету. Поклоняясь красоте своего тела, Люба ещё до брака с Блоком пояснила ему, что отказывается иметь детей. Когда же она узнала, что ненароком забеременела после той замечательной ночи Любви, то намеревалась избавиться от ребёнка. Когда врачи отказались делать ей аборт, она ощутила обречённость:

«С отвращением смотрела я, как уродуется тело, как грубеют маленькие груди, как растягивается кожа живота. Я не находила в душе ни одного

уголка, которым могла бы полюбить гибель своей красоты. Каким-то поверхностным покорством готовилась к встрече ребёнка, готовила всё, как всякая настоящая мать. Даже душу как-то приспособила» [10, с. 66].

В 1909 году эта механическая попытка Любы «приспособить душу и тело» закончилась трагедией тяжёлых родов и смертью новорожденного. Больше детей у неё не было. С годами Любовь Дмитриевна понимала, что требовала от своих поклонников, чтобы они полностью отражали и понимали только её уникальный внутренний мир; чтобы они думали, мечтали и хотели вместо неё, но так, как это было угодно или «нужно» только ей самой. Такого не могло быть, и она недоумевала:

«Неужели бывают люди одинаковые, понимающие друг друга во всем и живущие общей жизнью с головы до пят? Неужели бывает это счастье? Я его не знала. С каждым была только одна какая-нибудь область общая, понятная. Даже потом среди просто ‘любовников’: со всяким по-разному и только одна общая струна» [10, с. 63].

Коллизии стихий продолжались, и Земной мир Любы всё меньше соответствовал пламенным идеалам и желаниям Блока. В 1910 году, в порыве отчаяния он был готов обвинить Любу во всех своих бедах. Насколько безгранично пламенно он возвышал её в своих ранних письмах к ней, настолько безжалостно он жёг её огнём своих обвинений:

«Люба довела маму до болезни. Люба отогнала от меня людей. Люба создала всю невыносимую сложность и утомительность отношений, какая теперь есть. Люба выгалкивает от себя и от меня всех лучших людей, в том числе — мою мать, то есть мою совесть. Люба, как только она коснётся жизни, становится сейчас же таким дурным человеком, как её отец, мать и братья. <...> Люба на земле — страшное послание для того, чтобы мучить и уничтожать ценности земные. Но 1898–1902 годы сделали то, что я не могу с ней расстаться и люблю её» [19, с. 370].

Эпилог

Размышляя над превратностями их судеб, Блок в одном из писем к Белому доходил до сути конфликтов:

«Мы с вами и письменно и устно объяснялись в любви друг другу, но делали это по-разному — и даже в этом не понимали друг друга» [9, с. 91].

Белый позднее приходил к грустному заключению:

«Вины не было там, где искал я; вина в том, что трудные переживания мистерии человеческих отношений свалились совсем неожиданно; невоплотимые без духовной работы <...> отношения опрокинулись: в безобразии долгих, гнетущих, кошмарами дышащих дней, даже месяцев; где же мудрые, вещие руководители знаний? Они — опоздали: они не пришли, допустивши надрыв в этой пламенной жизни» [3].

В 1911 году Блок предлагал Белому своё видение их драмы:

«Можно сказать, что человеческого почти и не было между нами; было или нечеловечески несказанное, или не по-людски ужасное, страшное, иногда — уродливое. Теперь всё меняется для нас обоих <...> *Сходились* не по-человечески, *сходно* переживали этот долгий и странный поединок души и духа, сходно окончившийся (частичным) поражением души, должны выйти из ночи — *чуждесно разные*, как подобает *человеку*» [9, с. 159].

На том можно было бы поставить точку, но тогда мир бы выглядел безысходным, и конфликты между стихиями повторялись бы из поколения в поколение. Действительно, для поколений прошлого года Феникса значительная часть законов времени и природы стихий оставалась вне поля зрения. Но если нам они уже доступны, сумеем ли мы избежать новых «балаганчиков»? Научимся ли мы уважать и принимать особенности других времён и стихий, или будем продолжать конфронтацию со всеми, кто находится по другую сторону рубежей?

Ответы, предлагаемые в новом году Феникса, приходят из области новой науки, называемой пренатальной психологией. Предтечей этой науки стал Андрей Белый: он одним из первых писателей сделал особое ударение на значимость раннего детства и чувств обоих родителей к будущему ребёнку ещё до его зачатия. Во времена Белого его идеи казались мистическими и непонятными. Сегодня они постепенно входят в основное русло научных исследований [26]. С такой точки зрения, чтобы не оставаться в роли «марионеток», желательнее искать корни «генов» поведения наших героев в их раннем детстве и в истории семейств их родителей. Андрей Белый сумел вызвать сочувствие многих читателей, описав трагизм своего детства в автобиографических повестях *Котик Летаев* и *Петербург*. В отличие от Белого, детство Блока всё ещё завуалировано привычной для его семьи «белой ложью». В реальности оно было вовсе не безоблачным, как его пыталась представить семья поэта. Рассказ о том, как Блок с рождения

рос «унылым» ребёнком, страдающим от частых нервных расстройств матери и лишённым контактов с отцом, ещё когда-нибудь будет написан. Здесь я ограничусь лишь моментом «прозрения» мамы Блока, когда в 1920 году она вдруг поняла новую истину о сыне и о роли родителей:

«Новое открытие: дело не в том, чтобы он меня любил, а чтобы я — мама — его любила!» [19, с. 543].

С этого момента она пыталась исправить всё, что на протяжении долгих лет делала не так. Говоря о в письме к М.П. Ивановой о переменах, мать Блока поясняла:

«Это смирение не для улучшения отношений, а только во избежание вечного крика и ссор в доме, ради покоя тех, кого мы с Вами любим! Вы напрасно думаете, что моё ‘смирение’ помогает. Люба ненавидит и презирает меня яро, но я молчу и не даю ей повода к сценам. <...> Я думаю, я чувствую, что мне это всё — наказание за все обиды, которые терпели от меня близкие» [19, с. 545].

В письме 2 ноября 1920 года к своей сестре Марии Бекетовой она была более чёткой: «Хвалить нас не за что. Тяжёлые мы все трое и все обидчики. Да и мало ли, чего дурного и темного в нас троих. Ты издала идеализируешь нас, а вот пожила бы с нами — не поздоровилось бы» [19, с. 546]. Последний год жизни Блока, отравленный постоянными ссорами между его женой и матерью, показал, что одних добрых намерений матери не хватало, чтобы исправить ситуацию, складывавшуюся на протяжении долгих лет. Всё, что могла сказать мать после смерти Блока, было: «Я безмерно и непоправимо виновата перед Сашей» [19, с. 565].

После смерти Блока, Любовь Дмитриевна в своих воспоминаниях тоже глубоко сожалела о своих прежних ошибках:

«... я впервые вижу, как напрасно я смирила и умалила свою мысль перед миром идей Блока, перед его методами и его подходом к жизни. Иначе быть не могло, конечно! В огне его духа, осветившего мне все с такою несоизмеримой со мною силой, я потеряла самоуправление. Я верила в Блока и не верила в себя, потеряла себя. Это было малодушие, теперь я вижу. Теперь, когда я что-нибудь нахожу в своей душе, в своем уме, что мне нравится самой, я прежде всего горестно восклицаю: ‘Зачем не могу я отдать это Саше!’» [10, с. 9].

Но не только об этом жалела Любовь Дмитриевна. Обретая уважение к своей стихии Земли, она оставалась далека от приятия права на существование других стихий. В итоге, приняв себя за «норму», она объявила иных людей попросту «ненормальными»:

«Несомненно, вся семья Блока и он были не вполне нормальны — я это поняла слишком поздно, только после смерти их всех» [10, с. 80].

Самой далёкой и непонятной для Любы осталась стихия Воды с её пугающей иррациональностью чувств Александры Андреевны:

«Если бы знать, если бы понимать, что имеешь дело с почти сумасшедшей, во всяком случае, с почти неменяемой, можно было бы просто пропустить всё мимо ушей и смотреть как на пустое место. Но Саша принимал свою мать всерьёз, и я за ним тоже. Насколько это было ошибочно, покажут будущему внимательному исследователю её письма. Горя эта ошибка принесла и Саше, и мне очень много. И для меня большое облегчение, что я могу сложить с себя обязанность судить этот восемнадцатилетний спор между нами тремя. Я предпочитаю передать его ученикам Фрейда» [10, с. 83].

Любовь Дмитриевна решила, как и прежде, уйти от необходимости самопознания. В своих воспоминаниях Мария Бекетова рассудочно «воздушно» подводила итог:

«Для выяснения положения вещей мне придется указать еще на один факт, игравший важную роль в жизни Ал. Ал. Между его матерью и женой не было согласия. Разность их натур и устремлений, борьба противоположных влияний, которые обе они на него оказывали, создавала вечный конфликт между ними <...> конфликт между ними был сложный и мучительно отзывался на поэте, который, любя обеих, страдал от невозможности примирить противоречия их натур <...> В сложном узле причин, повлиявших на развитие его болезни, была и эта мучительная язва его души. Теперь, когда его уже нет среди нас, вражда понемногу растаяла, и на место ее выступает мудрое понимание и сознание своих ошибок» [5].

Былого не изменить. Но мы можем сегодня осознать, что каждый из нас рождается с определённым соотношением стихий. Нам не дано «понимать» или «переживать» в точности те «чувства», которые испытывают наши близкие. Нам также не дано «перекроить» их на свой лад. Но мы можем изучать и осознавать природу стихий, времён и рубежей. Мы также можем сделать полезные выводы из заключения Александры Андреевны Блок: «Судите, как хотите <...> но не собирайте смокв с терновника».

Опыт прошлого не должен пропасть, и из страданий «балаганчика» на рубежах эпох и стихий ещё могут в будущем вырасти гармоничные отношения между разными людьми.

Список литературы

1. *Андрей Белый*. На рубеже двух столетий. — М.: Художественная литература, 1989.
2. *Андрей Белый*. Феникс // Арабески. Книга статей. — М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. *Андрей Белый*. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. — М.: «Республика», 1995.
3. *Андрей Белый*. Между двух революций. — М.: Художественная литература, 1990.
4. *Бекетова М.А.* Из дневника. — М.: «Правда», 1990.
5. *Бердяев Н.А.* В защиту Блока // *Путь*, № 26, 1931, с. 109–113.
6. *Блок А.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Том 5. Очерки, статьи, речи — М.: Гослитиздат, 1962.
7. *Блок А.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Том 7. Дневники — М.: Гослитиздат, 1962.
8. *Блок А.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Том 8. Письма 1898-1921 — М.: Гослитиздат, 1962.
9. *Блок Л.Д.* И быль и небылицы о Блоке и о себе. — Бремен: Кафка-Пресс, 1979.
10. *Иванов Е.П.* Воспоминания об Александре Блоке. — Код доступа URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/vosp/ivanov-vospominaniya-o-bloke.htm>
11. *Левин Э.* Селестиальные близнецы. — М.: Амрита-Русь, 2006.
12. *Левин Э.* Часы Феникса. — Иерусалим: Млечный путь, 2013; — М.: Avvalon-LoScarabeo, 2015.
13. *Левин Э.* Селестиальные близнецы у истоков музыки в кино // *Философская школа*. 2018. № 4. С. 51–58. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10414.
14. *Левин Э.* Картография эмоций. — Тамбов — Москва — С.-Петербург — Баку — Вена — Гамбург — Стокгольм — Буаке — Варна: Изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2019.
15. *Мандельштам О.* Барсучья нора // Собрание сочинений в трёх томах. Том 2. Изд-во Международное литературное содружество, 1971.
16. *Новиков В.И.* Александр Блок. ЖЗЛ. — М.: Молодая гвардия, 2012.
17. *Соловьёв С.М.* Воспоминания об Александре Блоке. — Код доступа URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/vosp/sovremenniki-1/solvev-vospominaniya.htm>
18. *Талалаевский И.* Коломбина, Пьеро, Арлекин... Любовь Блок — Александр Блок — Андрей Белый. — СПб.: Алетейа, 2011.
19. *Ходасевич В.Ф.* Андрей Белый // *Некрополь*. — Bruxelles: Les Editions Petropolis, 1939.
20. *Ходасевич В.Ф.* Гумилёв и Блок // *Некрополь*. — Bruxelles: Les Editions Petropolis, 1939.
21. *Чуковский К.И.* А.А. Блок как человек // *Критические рассказы*. Часть III.
22. *Эренбург И.Г.* Александр Блок // *Портреты современных поэтов*. — М.: «Первина», 1923.
23. *Elizabetha Levin.* Time, Elements and the Phoenix Hour in Lives and Poetry of Nobel Laureates and their Celestial Twins // *Science, Technology, Society and International Nobel Movement. Proceedings of the XIth International Meeting-Conference for Nobel Prize Winners and Nobelists. October 2017.* — Tambov-Moscow-St.-Petersburg-Baku-Vienna-Hamburg-Stockholm-Buake-Varna-Tashkent: Nobelistics INIC Publishing House, 2017, pp. 27–47.
24. *Elizabetha Levin.* Time, Elements and Emotions: Temporological Aspects of Prenatal Psychology // *International Journal of Prenatal & Life Sciences*, Vol. 3, No.3, 2019. DOI: 10.24946/IJPLS.20.19.00.00.181109.
25. *Elizabetha Levin.* Exploring the Mother-Father-Child Triad: A Fresh Insight on the Roots of Latent Violence // To be published by — Athens: Cosmoanelixis, 2020.